

НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ПРОБЛЕМЕ ОДОМАШНЕННОСТИ ЛОШАДИ ТЕРСЕКСКИХ И БОТАЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ

С.С. Калиева, В.Н. Логвин

Статья посвящена проблеме коневодства у населения, оставившего терсекские и ботайские древности. Показывается несостоятельность аргументации основных сторонников версии о дикости терсекско-ботайской лошади. На основании патологических изменений, вызванных использованием удил, особенностей внутренней структуры коллекций костей лошади и кулана, а также других данных делается заключение о принадлежности основной массы костей лошади терсекско-ботайских поселений домашним особям.

Терсекская культура, ботайская культура, энеолит, domestикация, лошадь, крупный рогатый скот.

В конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. А.А. Формозовым в основном на материалах северотургайских стоянок Терсек-Карагай и Коль был поставлен вопрос о выделении энеолитической терсек-карагайской культуры [Формозов, 1946, 1950, 1951]. С 1978 г. терсекские древности активно изучались Кустанайской и Тургайской экспедициями [Логвин, 1979а, б; Калиева, 1990; Калиева, Логвин, 1997]. В 1980 г. начались исследования близкого терсекским поселения Ботай, на материалах которого выделена родственная терсекской ботайская культура [Зайберт, 1981, 1983, 1993]. Эти две культуры вместе с близкой им суртандинско-кысыкульской составляют южную провинцию зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики [Калиева, 1990, с. 16; 2001; Чаиркина, 1995, с. 18–20].

С первых шагов по изучению этого круга древностей большое внимание уделяется хозяйственной деятельности оставившего их населения. Г.Н. Матюшин говорил о скотоводстве как об основе экономики суртандинского населения, не исключая возможности наличия групп «кочующего населения» [1982, с. 283–294]. В.Ф. Зайберт реконструирует особый «ботайский ХКТ», который определяется «...как оседлый многоотраслевой с доминантой коневодства...» [1993, с. 168–169; 2009, с. 293–295]. Нами и Л.Л. Гайдученко терсекское общество было признано кочевым в полукочевом варианте конкретной хозяйственной деятельности [Логвин, Калиева, 1986, с. 66–76; Логвин и др., 1989; Гайдученко и др., 1989; Калиева, Логвин, 1997, с. 100–123].

Концепция полукочевого образа жизни терсекского населения, а шире — населения всей южной провинции была воспринята исследователями неоднозначно. Наиболее активны в отрицании скотоводческого характера экономики терсекского и ботайского населения в последнее время Н. Бенеке, А. фон ден Дриш, П.А. Косинцев, М. Левин, которые вместо критического анализа нашей аргументации пошли по пути поиска неучтенных нами фактов, свидетельствующих в пользу их точки зрения. В результате сложилась ситуация, когда два подхода развиваются отдельно, не пересекаясь на подробном критическом разборе приводимых фактов. Пришло время нарушить эту традицию, тем более что недавно была опубликована работа, в которой сведена аргументация всех названных исследователей в пользу принадлежности остатков терсекской и ботайской лошадей диким особям [Косинцев, 2008]. Поскольку в этой статье приводится разноплановая информация, то автор ее структурировал. Целесообразно и наш анализ провести в соответствии с этой структурой.

Раздел, посвященный биологическим источникам, включает в себя три подраздела: морфометрический анализ, морфологические данные и возрастная структура.

Остановившись на возможностях использования морфометрического анализа, П.А. Косинцев отмечает как очевидный факт, вытекающий из результатов предшествовавших исследований, «что размеры костей не могут служить доказательством принадлежности их дикой или домашней форме» и, таким образом, они имеют малую диагностическую ценность [2008, с. 114–116]. Большее значение, по его мнению, имеют «пропорции и характер изменчивости костей» [Там же, с. 116]. Однако тут же отмечается, что, как и в случае с размерами, одни исследовате-

Некоторые штрихи к проблеме одомашненности лошади терсекских и ботайских памятников...

ли [Benecke, von den Driesch, 2003, p. 12] полагают, «что изменчивость костей лошадей из памятников ботайской культуры указывает на принадлежность их дикой форме», а другие — домашней [Гайдученко, 1998а, с. 242–243]. Обращение непосредственно к работе Н. Бенеке и А. фон ден Дриш показывает, что ситуация не столь однозначна, как им представляется. Эти исследователи, а вслед за ними и П.А. Косинцев признаком дикости лошади Ботая считают несколько большую массивность и меньшую вариабельность ее в сравнении с лошадьми поселений развитой и поздней бронзы Атасу, Новоникольское и Петровка II [Косинцев, 2002, с. 50]. Что касается вариабельности, то различия не столь очевидны. Судя по приведенному авторами графику, размах вариаций на Ботая лишь чуть меньше такового, устанавливаемого по коллекциям Новоникольского и Атасуского поселений [Benecke, von den Dreisch, 2003, fig. 6.8] (рис. 1). Представленные на этом же графике различия в показателе массивности ботайских лошадей в сравнении с лошадьми памятников эпохи бронзы вполне могут обуславливаться практикованием существенно разных типов производящей экономики. В равной мере это касается и отмеченного П.А. Косинцевым факта отсутствия в популяции лошадей Кожая 1 тонконогих и полутонконогих особей [2008, с. 117, табл. 4].

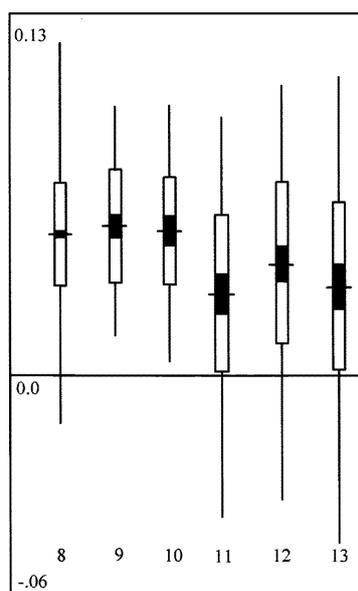

Рис. 1. Сравнение лошадей Ботая, так называемого постботайского поселения Сергеевка и поселений развитой бронзы Казахстана (по [Benecke, von den Dreisch, 2003, fig. 6.8]): 8 — Ботай, 9 — Красный Яр, 10 — Сергеевка, 11 — Атасу, 12 — Новоникольское I, 13 — Петровка II

Население эпохи развитой бронзы вело оседлый образ жизни. В остеологических коллекциях оставленных им памятников доля лошади колеблется около 10 %, постепенно увеличиваясь по мере приближения к эпохе раннего железа [Косинцев, 2008, с. 117, 121; табл. 9]. Наибольшее значение лошадь имела как ездовое животное. Это определяло направление отбора в пользу менее массивных, более тонконогих и быстрых особей. Широкое распространение металла и вызванное им повышение производительности труда создало возможности для расширения сферы стойлового содержания, которое само по себе также должно было сильно сказаться на формировании конституции лошадей.

Для терсекско-ботайской эпохи характерен явный уклон в направлении мясного коневодства. Уровень развития производительных сил исключал заготовку корма в сколько-нибудь значительных объемах, а значит, и сколько-нибудь заметное развитие стойлового содержания скота. Коневодство по необходимости было возможно только при круглогодичном выпасе [Калиева, Логвин, 1997; Гайдученко, 1998а]. Пока нет никаких данных о повозках. Такое качество, как резвость, в условиях значительно уменьшенного человеком прессинга хищников потеряло в рамках домашних разновидностей мясного направления свое решающее значение в отборе. Следовательно, отбор в этих условиях естественно должен был идти в направлении формирования стада лошадей крепкой конституции с сильными, достаточно массивными ногами [Гайдученко,

1998а, с. 240–243; Косинцев, 2002, с. 49–50; Косинцев, 2008, с. 117, табл. 4]¹. В итоге приходится констатировать, что новое рассмотрение морфометрической информации, равно как и предпринятые ранее, по меньшей мере, не содержат в себе запрета считать терсекских и ботайских лошадей домашними, скорее наоборот [Ахинжанов и др., 1992, с. 7, 31–55; Ермолова, 1993; Кузьмина, 1993].

В подразделе, посвященном морфологическим данным, рассматривается разработанная Д. Энтони и Д. Браун методика определения на зубах лошади следов использования удил [Косинцев, 2008, с. 117]. Как известно, этими исследователями установлено присутствие в коллекции Ботая зубов лошади с трансформациями, которые, по их мнению, несомненно были вызваны воздействием удил [Brown, Anthony, 1998]. Используемая Д. Энтони и Д. Браун методика является результатом не умозрительных заключений, а экспериментальной работы [Anthony, 2007, р. 206–213]. П.А. Косинцев, не опровергая экспериментальные данные Д. Энтони, полностью игнорирует их. По его сугубо умозрительному заключению, удила могут иметь только две позиции: на диастеме нижней челюсти не касаясь зубов и на зубах лошади в момент их «закусывания». Отсюда делается вывод, что «выявленные исследователями стертости на зубах не могут образоваться от удил», а могут «быть следствием не совсем правильного прикуса». При этом даже умозрительно не анализируется, чем обеспечивается при закусывании удил перекашивание их с мягкой ткани диастемы на поверхность зуба без контакта с его угловой поверхностью и как ведут себя удила в те моменты (кстати, весьма продолжительные при спокойной и длительной езде), когда поводья не натянуты [Косинцев, 2008, с. 117].

Можно предположить, что на формирование этой точки зрения оказала определенное влияние позиция Н. Бенекке и А. фон ден Дриш. Ссылаясь на свой опыт работы с фаунистическими остатками, они указывали, что формирование износа угла нижнего второго премоляра «не обязательно должно быть результатом воздействия удил», а может быть также следствием неправильного прикуса [Bencke, von den Driesch, 2003, р. 79].

Д. Энтони после обнародования этого замечания Н. Бенекке и А. фон ден Дриш попытался определить частоту встречаемости подобного износа у никогда не «взнуздывавшихся» лошадей. Им была просмотрена выборка из 105 зубов взрослых особей от плейстоценовых до современных. Оказалось, что скос больше 2.0 мм имеют менее чем 3 % зубов, скос 2.5 мм — меньше чем 1 % зубов и только один зуб имел скос 2.9 мм. В свете этих данных логичным представляется его заключение о том, что если в коллекции древностей имеется один зуб со скосом 3 мм, то можно говорить о большой вероятности принадлежности его в прошлом «взнуздывавшейся» лошади; если найдено несколько таких зубов, то наличие в этом древнем обществе домашних, «взнуздываемых» лошадей несомненно [Anthony, 2007, р. 211–213, tabl. 10.1].

Д. Энтони и Д. Браун имели возможность изучить 19 полученных на Ботая и пригодных для анализа зубов. Два из них имели скос величиной 3 мм и по одному — 3.5; 4 и 6 мм. Все пять образцов были найдены в различных частях поселения. По мнению Д. Энтони, характер следов износа соответствует зафиксированным в эксперименте при использовании мягких удил. Пять экземпляров составляют 26 % выборки в 19 зубов [Anthony, 2007, р. 217–218]. Еще об одном зубе со следами износа от использования удил с поселения Ботай (раскопки 2005–2006 гг.) сообщают А. Оутрам и его коллеги. Помимо этого, они указывают, что в этой коллекции четыре нижние челюсти имеют в районе диастемы патологические изменения кости, вызванные использованием удил [Outram et al., 2009, р. 1334]. Среди 12 изучавшихся Д. Энтони неповрежденных зубов с терсекского поселения Кожай 1 два (16,6 % выборки) также оказались с четкими следами сработанности [Anthony, 2007, р. 218]. Таким образом, в свете данных Д. Энтони, Д. Браун, А. Оутрама и его коллег точка зрения П.А. Косинцева, а также скепсис Н. Бенекке и А. фон ден Дриш в отношении наличия в материалах терсекско-ботайских памятников останков взнуздывавшихся лошадей представляются неправомерными.

Это относится и к замечанию Н. Бенекке и А. фон ден Дриш, касающегося того, что при таком высоком проценте взнуздывавшихся лошадей, который указывает Д. Энтони для Ботая

¹ Л.Л. Гайдученко наглядно показал, что в плейстоцене и раннем голоцене в степной зоне Казахстана наблюдается тренд нарастания тонконогости [1998а, с. 243, рис. 3]. Одной из причин формирования такого тренда, по его мнению, было усиление пресса охоты, которое вместе с действиями хищников обусловило ход естественного отбора в популяциях лошадей в направлении роста числа резвых (тонконогих) особей. В энеолите с развитием коневодства этот тренд был прерван. Использование в эпоху бронзы лошади в качестве ездового животного, по нашему мнению, вновь изменило характер отбора и привело к распространению тонконогих особей.

(26 %), должно быть много костей с патологическими изменениями, как это имело место для «железного века и средневековых верховых лошадей в Центральной Европе» [Benecke, von den Dreisch, 2003, p. 79]. В данном случае они имеют в виду патологические изменения костей посткраниального скелета. Апелляция к раннему железному веку и средневековью Центральной Европы представляется не совсем корректной. Костяки европейских лошадей этих эпох подвергались неизмеримо большей нагрузке, чем костяки лошадей ранних кочевых обществ, основная масса которых разводилась на мясо. Условия стойлового содержания средневековых европейских лошадей, в отличие от круглогодичного выпаса терсекских и ботайских, также не лучшим образом сказывались на формировании и развитии их скелета.

При рассмотрении процессов domestikации лошади терсекско-ботайским населением П.А. Косинцев вслед за другими исследователями, и прежде всего М. Левин, придает большое значение возрастной структуре забитого стада. Основания этого подхода активно начали разрабатываться М. Левин в конце 70-х — 80-е гг. XX в., когда ею были предложены реконструкции нескольких «моделей смертности» для остеологических коллекций, отложившихся на древних поселениях в результате охоты их обитателей [Levine, 1983]. Позднее, анализируя материалы участка 31 поселения Ботай, М. Левин приходит к выводу, что они наилучшим образом соответствуют модели катастрофы, когда в силу полностью случайной выборки в коллекции этого участка оказались представлены все возрастные группы животных в пропорциях, характерных для живого стада, и предполагает в качестве основного способа охоты загон стада [Levine, 1999, p. 58, 67].

П.А. Косинцев сравнил результаты собственной обработки коллекции терсекской части поселения Белкарагай и материалов так называемого постботайского поселения Сергеевка², а также приведенные Н. Бенеке и А. фон ден Дриш данные по коллекциям участков 31–33 поселения Ботай с моделями М. Левин [Benecke, von den Dreisch, 2003, p. 74–75]. Это сопоставление привело его к аналогичному с выводом М. Левин заключению о том, что население, оставившее эти поселения, практиковало массовый забой дикого табуна [Косинцев, 2008, с. 119].

Делая такое заключение, П.А. Косинцев, так же как Н. Бенеке и А. фон ден Дриш, не учитывают тот факт, что приводимые М. Левин кривые возраста забоя лошадей для энеолитического поселения Деревивка среднестоговской культуры оказались практически идентичны таковым для памятника римского времени Кестерен [Levine, 1999, fig. 17] (рис. 2). Между тем в свое время именно сходство возрастной структуры забитых на Деревивке лошадей с аналогичной структурой одного из палеолитических памятников послужило М. Левин основанием для отнесения деревивской лошади к дикой форме и постановки вопроса о необходимости пересмотра устоявшегося к тому времени мнения о коневодческом характере экономики населения среднестоговской культуры [Levine, 1990, p. 737–739]. Позднее, получив данные по Кестерен, М. Левин вынуждена была признать, что только возрастной структуры для этого недостаточно [Levine, 1999, p. 63]³. В свете этих фактов представляется абсолютно верным заключение Д. Энтони, что при рассмотрении проблемы domestikации лошади такой признак, как половозрастная структура забитого стада, не работает [Anthony, 2007, p. 205]. Естественно, это в полной мере относится и к терсекско-ботайским древностям.

² П.А. Косинцев, определяя поселение Сергеевка как постботайское, забывает отметить и не учитывает тот факт, что оно дало разновременные артефакты [Косинцев, Варов, 1993; Косинцев, 2008]. Авторы первой публикации материалов поселения отмечают наличие немногочисленных фрагментов керамики эпохи финальной бронзы в слое, перекрывающем энеолитический. С керамикой финальной бронзы, судя по всему, была связана значительная часть полученных на поселении костей, поскольку А.М. Кисленко и Н.С. Татаринцева специально подчеркивают, что к энеолитическому слою может быть отнесено «не более пятой части костей крупного и мелкого рогатого скота и все кости лошади» [1990, с. 89, 93]. Слой финальной бронзы залегает непосредственно на энеолитическом. Стерильной прослойки между ними нет. В этой ситуации проникновение костей крупного и мелкого рогатого скота из слоя эпохи бронзы в энеолитический слой неизбежно [Грязнов, 1973]. Можно было бы не заострять на этом внимание, но, доверяя авторитету специалиста археозоолога, заключение о постботайском характере этих материалов начинают воспроизводить как бесспорное другие исследователи (см., например: [Benecke, von den Dreisch, 2003, p. 72]).

³ Интерес представляет тот факт, что заключение М. Левин о соответствии возрастной структуры деревивской лошади одной из предложенных ею моделей охоты (модель преследования) получило широкую известность в среде российских исследователей, а вот ее более позднее признание недостаточности только возрастной структуры для подобных выводов осталось незамеченным.

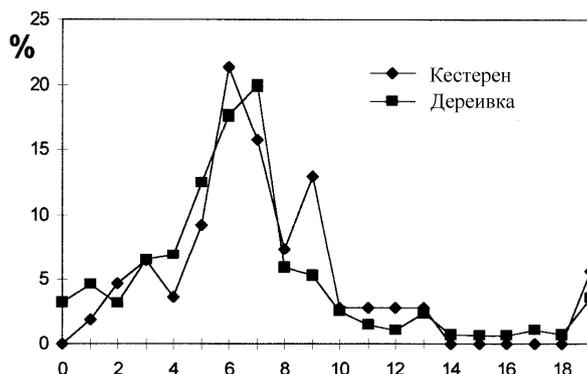

Рис. 2. Возрастная структура лошадей поселений Кестерен и Деревка (по [Levine, 1999, fig. 17])

Большое значение придается *археозоологическим источникам*, под которыми понимаются «состав, характер и степень раздробленности элементов скелета, различные следы на костях и зубах. К этой же группе данных относится анализ структуры костного комплекса: видовой состав, соотношение диких и домашних видов, соотношение разных групп видов и животных (млекопитающие, птицы, рыбы: условно “пушные”, “мясные” виды)» [Косинцев, 2008, с. 120].

Рассматривая структуру терсекско-ботайских костных комплексов, П.А. Косинцев, Н. Бенекке и А. фон ден Дриш отмечают, что поскольку в составе этих комплексов нет костей овцы и крупного рогатого скота, то и кости лошади следует считать происходящими от диких особей [Benecke, von den Driesch, 2003, p. 73; Косинцев, 2007, с. 148; 2008, с. 120–121, табл. 8]⁴. Что касается овцы, это действительно так. В отношении крупного рогатого скота такое заявление вызывает недоумение, поскольку терсекский крупный рогатый скот не может быть диким уже в силу его комолости [Гайдученко и др., 1989; Калиева, Логвин, 1997; Гайдученко, 1998а, б; Калиева, Шевнина, 2007]. Эта информация была опубликована, в том числе в издании, на которое ссылаются все три автора [Калиева, Логвин, 1997, с. 102–105; Benecke, von den Driesch, 2003, p. 73; Косинцев, 2008, с. 125].

Не все просто и с ботайским быком, которого традиционно считают диким. Так, Н. Бенекке и А. фон ден Дриш пишут, что «несколько костей рогатого скота могли быть идентифицированы» ими среди животных остатков Красного Яра [Benecke, von den Driesch, 2003, p. 73]. Еще ранее Н.М. Ермолова, изучая коллекцию Ботая, отмечала, что в ней «...встречались остатки тура, которого по размеру можно было бы отнести к домашнему скоту среднего размера...» [1993, с. 89]. Таким образом, видовая структура терсекских остеологических коллекций не только не позволяет судить о терсекской лошади как о дикой, но в силу наличия костей крупного рогатого скота косвенно свидетельствует в пользу ее домашнего характера.

П.А. Косинцев в качестве аргумента, свидетельствующего о ботайской лошади как о дикой форме, непонятно почему ссылается также на исследования С. Олсен. Последняя проделала большую работу по анализу «экономического» значения скелета лошади для обитателей поселения Ботай [Olsen, 2003]. По сообщению П.А. Косинцева общий вывод С. Олсен заключается в том, что подавляющее большинство — это дикие особи, добытые охотой, но у населения были уже «прирученные особи» [Косинцев, 2008, с. 114, 120]. С последним П.А. Косинцев не склонен соглашаться, в связи с чем обращается внимание на факт, впервые отмеченный М. Левин, а позднее Н. Бенекке и А. фон ден Дриш, наличия на Ботае немногочисленных находок нерасчлененных частей скелета лошади [Levine, 1999, p. 44, fig. 2.26; Benecke, von den Driesch, 2003, p. 73]. Вслед за ними он считает, что находимые на Ботае нерасчлененные части скелета лошади свидетельствуют о хищническом поведении, присущем охотникам, когда забивается такое количество лошадей, которое не может быть нормально использовано [Косинцев, 2008, с. 120].

⁴ Этот своего рода «бараний» подход к проблеме реконструкции процесса domestikации лошади базируется на том, что из трех наиболее важных для подвижных скотоводов евразийских степей видов животных только овца не имеет на рассматриваемой территории диких предков. В силу этого наличие или отсутствие ее костей в костных комплексах зачастую признается едва ли не решающим аргументом при определении статуса отложившихся вместе с ними костей лошади. В частности, например, Н. Бенекке и А. фон ден Дриш указывают, что скотоводство как род занятия поволжского населения в синхронное Ботаю время доказывается присутствием в стаде крупного рогатого скота и овец [Benecke, von den Dreisch, 2003, p. 78].

Некоторые штрихи к проблеме одомашненности лошади терсекских и ботайских памятников...

По мнению Н. Бенеке и А. фон ден Дриш, об этом же говорят единичные находки остатков эмбрионов и новорожденных жеребят [Beneske, von den Driesch, 2003, p. 76, 79].

Между тем эти факты могут быть объяснены и в рамках доместикационной концепции. Как уже отмечалось Л.Л. Гайдученко, отложение крупных нерасчлененных дистальных частей скелета может быть следствием вынужденного забоя травмированных в результате вовлечения в активный хозяйственный оборот животных [1998а, с. 246]. Во-вторых, почему-то совершенно не учитывается возможность отложения остатков павших животных, в том числе в котлованах заброшенных жилищ. Для нашей современности это достаточно обыденное явление.

Сама С. Олсен считает, что нерасчлененные части скелета лошади свидетельствуют прежде всего о наличии домашних лошадей на Ботае. По ее мнению, отложения такого типа могли сформироваться в процессе забоя домашних животных или в результате доставки на поселение в нерасчлененном (или слабо расчлененном) виде добытых на охоте диких. Последнее, полагает она, было возможно также только при наличии домашних лошадей, использовавшихся в данном случае как транспортное животное [Olsen, 2003, p. 101]. В целом П.А. Косинцев не точно передает позицию С. Олсен. Она, так же как и Д. Энтони, изучая ботайские материалы, ставит перед собой задачу поиска фактов, свидетельствующих об одомашнивании лошади. Такие факты ими были выявлены, но поскольку характер аргументов однозначно не позволял распространять их на все особи, то они допускали возможность практикования охоты на диких лошадях. С. Олсен вообще говорит не столько о приручении отдельных лошадей, сколько о том, что ботайцы «содержали по крайней мере некоторые стада» в транспортных целях [Olsen, 2003, p. 83].

П.А. Косинцев, равно как Н. Бенеке и А. фон ден Дриш, полностью игнорирует другие доступные археозоологические данные. Между тем для рассматриваемой проблемы они имеют принципиальное значение. Так, на поселении Кожай 1 среди костей кулана удельный вес молодых особей в 3,5 раза выше, чем в коллекции костей лошади. Близкую картину мы наблюдаем и на поселении Кумкешу 1⁵. Здесь молодых куланов забивали в 2,5 раза чаще, чем молодых лошадей [Калиева, Логвин, 1997, с. 107].

Кулан и лошадь в диком состоянии являются пищевыми конкурентами и ведут одинаковый образ жизни. Соответственно приемы охоты на тех и других одинаковы, отсюда, если считать лошадь дикой, следует ожидать одинакового представительства молодых и взрослых особей в охотничьей добыче как кулана, так и лошади. В действительности, как показано выше, мы наблюдаем совершенно иную картину. Терсекские обитатели поселений Кожай 1 и Кумкешу 1, давших весьма представительные остеологические коллекции, забивали молодых лошадей в разы реже, чем молодых куланов. С учетом того факта, что кулан никогда не входил в число домашних животных, единственное объяснение столь разного отношения к очень близким в биологическом смысле животным заключается в признании терсекской (и ботайской) лошади домашней формой.

Косвенно об этом свидетельствуют и аналогичные данные с этих поселений, полученные при анализе коллекций костей крупного рогатого скота и сайги, которые относятся П.А. Косинцевым к одной группе «дикие копытные»⁶ [2007, с. 148; 2008, с. 121, табл. 8]. Обитателями поселения Кожай 1 молодые особи сайги забивались в 2,3 раза чаще, чем молодые особи быка. На поселении Кумкешу 1 этот показатель равен 1,3. Здесь мы видим такое же, как к кулану, отношение терсекского населения к заведомо дикому животному, каковым является сайга, и быку, одомашненность которого подтверждается его комолостью [Калиева, Логвин, 1997, с. 107].

Большой интерес представляет соотношение таких костей, как лопатка и ребра в костных коллекциях лошади и кулана поселения Кумкешу 1. Как известно, туши добытых на охоте крупных животных редко доставлялись на поселение целиком. Лопатка представляет интерес тем, что она связана с ценной в пищевом отношении грудной частью тулова, которая несомненно забиралась с места охоты. Значительная часть тулова, расположенная между грудной и задней частью, как пища является наименее ценной, следовательно, можно было ожидать, что ребра, связанные с этой частью, нередко оставались на месте охоты, где, возможно, использовалась и часть сопряженного с ними мяса.

⁵ Возраст определялся по приращению эпифизов.

⁶ Объединение костей сайги и быка в данном случае неправомерно, во всяком случае без анализа заключения коллеги-археозоолога Л.Л. Гайдученко, считающего, что кости быка в коллекциях Кожая 1 и Кумкешу 1 происходят от домашнего крупного рогатого скота [1998а, б]. Это тем более странно, что приведенные в табл. 8 данные по Кожая 1 и Кумкешу 1 могли быть взяты П.А. Косинцевым только из работ Л.Л. Гайдученко.

В итоге было установлено, что на Кумкешу 1 ребра в коллекциях костей лошади составляли 9,5 %, а кулана — 2,4 %. Ситуация с лопаткой совершенно другая. Она составляет всего 1,1 % от всех костей лошади, тогда как среди костей кулана — 17,9 % [Калиева, Шевнина, 2007, с. 102]. Эти данные опять-таки фиксируют диаметрально противоположное отношение людей к лошади и кулану. Кулан явно забивался не на поселении, в силу чего значительная часть ребер, в противоположность лопатке, оставлялась на месте охоты и не попадала на поселение. Лошадь, судя по всему, забивалась на поселении, и проблемы транспортировки туши, таким образом, не существовало.

На основании приведенных выше данных об особенностях возрастного состава, соотношении ребер и лопаточных костей в костных собраниях основных видов копытных поселений Кожай 1 и Кумкешу 1, с одной стороны, устанавливается существенно разное отношение людей к домашним (лошади и крупному рогатому скоту) и диким (кулану и сайге) животным, с другой — эти данные независимы друг от друга и являются прямым свидетельством доместики не отдельных особей, а основной массы лошадей и быка, представленных в остеологических коллекциях. Если в этих коллекциях и есть образцы, отложившиеся в результате охоты на диких или одичавших животных, то количество их настолько мало, что не позволяет зафиксировать это явление.

Для обоснования принадлежности терсекско-ботайской лошади к дикой форме привлекаются также историко-культурные источники [Косинцев, 2008, с. 122]. В частности, заявляется, что если все культуры, входящие в зауральскую общность энеолитических культур геометрической керамики, «имеют присваивающий тип хозяйства», поскольку большая часть ареала этой общности расположена в лесной зоне и для лесных памятников ее реконструируется охотничье-рыболовческое хозяйство, то оно должно быть присуще и терсекско-ботайскому населению.

Между тем ареал зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики протянулся на расстоянии порядка 1,5 тыс. км от бассейна Конды до верховьев Терсаккана и Кара-Тургая, охватывая, таким образом, несколько географических зон — от северотаежной до полупустынной. При этом степная часть его по протяженности с севера на юг примерно равна лесной, а с запада на восток существенно превосходит ее. Кроме того, непонятно, каким образом культурная близость лесных и степных памятников может предопределять единство облика экономики оставившего их населения. Хорошо известно, что, находясь в разных географических условиях, даже этнически родственные общины практикуют обычно разные хозяйственно-культурные типы. Близость культурного облика лесных древностей таковому терсекско-ботайским, следовательно, не может служить доказательством присваивающего характера экономики последних.

Помимо только что рассмотренного тезиса, свидетельства присваивающего характера экономики терсекско-ботайских общин П.А. Косинцев видит в отсутствии металла и металлообработки на поселениях, а также в том, что «культуры геометрической керамики не имеют сколь-нибудь выраженного продолжения в следующую историческую эпоху — эпоху бронзы» [2008, с. 122]. Оба этих утверждения, мягко говоря, не точны.

Не говоря о том, что наличие взаимосвязи между освоением металла и скотоводством еще надо обосновать, необходимо отметить, что помимо, как пишет П.А. Косинцев, единственной ботайской медной пластины давно известны и другие находки. В свое время штыковидное орудие было обнаружено на северном терсекском памятнике Ливановка 2. Это довольно массивное, квадратное в сечении орудие длиной 126 мм, толщиной в центральной части 10 мм по химическому составу идентично орудиям ямной культуры и энеолитических памятников Южного Урала [Калиева, Логвин, 1997, с. 62, 70, рис. 12, 10]. Обломок подобного орудия в безупречных стратиграфических условиях был найден на южном поселении Кожай 1. Это орудие было отковано из металлургически чистой меди, выплавленной из полиметаллических руд. По заключению лаборатории естественных научных методов ИА АН СССР 1988 г., химический состав металла не соответствовал тому, что было известно в то время «для исследованных материалов Казахстана, Урала и более западных территорий». На этом же поселении в жилищах 7, 11–14 были найдены куски руды на медь [Калиева, Логвин, 1997, с. 69, 70, рис. 16, 8; Калиева, 1998, с. 127, 128, 232, рис. 99, 6].

Таким образом, не считая руды, в настоящее время известно три медных находки — две на терсекских поселениях и одна на Ботае. Это, конечно, значительно меньше, чем найдено на синхронных терсекским и ботайским памятниках ямной культуры, но не следует забывать, что

Некоторые штрихи к проблеме одомашненности лошади терсекских и ботайских памятников...

изучение терсекско-ботайских древностей, по сути, только начинается. История же изучения ямных древностей приближается к столетию, да и масштабы исследований их несоизмеримо большие, как по объему полевых работ, так и по количеству исследователей и организаций, принимавших в них участие. Кстати, в истории их изучения был период, когда ямники считались оседлыми охотниками и рыболовами. Учитывая все это, преждевременно говорить о фатальном отставании в рассматриваемом аспекте терсекско-ботайского населения от ямного.

Что касается другого тезиса, то совершенно непонятно, как отсутствие признаков генетической взаимосвязи с древностями эпохи бронзы может доказывать присваивающий характер экономики населения, оставившего энеолитические памятники. Сам тезис об отсутствии признаков генетической взаимосвязи культур геометрической керамики и синташтинско-петровских древностей постулируется, поскольку базируется на другом постулате, гласящем, что участие первых в сложении вторых «в материальной культуре и хозяйстве» не просматривается [Косинцев, 2008, с. 122]. При этом в обоснование этого последнего заключения не только не приводятся никаких фактических данных, но полностью игнорируется даже хорошо известный факт значительной близости набора элементов, а часто и мотивов орнамента керамики алакульской линии развития (в том числе синташтинско-петровской) с терсекской [Логвин, 1995, с. 90; Калиева, Логвин, 1997, с. 159–161; Матвеев, 1998, с. 345; Калиева, 2005, с. 175, 176]. Можно отметить также, что формы синташтинско-петровских кремневых наконечников вполне могли развиться из терсекско-ботайских.

Единовременность бытования в условиях степной зоны терсекских и ботайских древностей с ямными, афанасьевскими и среднеазиатскими также делает маловероятной возможность консервации у обитателей терсекских и ботайских поселений присваивающих видов хозяйственной деятельности в качестве основы экономики. Как известно, степь в это время уже была фактором не разделяющим, а соединяющим [Мерперт, 1974, с. 128]. Следовательно, историко-культурные источники, т.е. «общий облик археологической культуры, ее место в общем историко-культурном контексте рассматриваемого региона и хронологического периода» [Косинцев, 2008, с. 122], так же как рассмотренные выше, не только не противоречат возможности практикования терсекским и ботайским населением скотоводства, а скорее предполагают его.

Таким образом, приходится констатировать, что все используемые П.А. Косинцевым, М. Левин, Н. Бенеке и А. фон ден Дриш доказательства дикости ботайской и терсекской лошадей таковыми не являются. Такие блоки информации, как морфометрический, историко-культурный, половозрастной (так как он использован этими исследователями), не содержат в себе данных, которые налагали бы запрет на возможность считать ботайскую и терсекскую лошадь одомашненной. Крупный археозоологический блок информации свидетельствует об ошибочности их заключения. Так называемые морфологические источники, под которыми понимаются патологические изменения вторых нижних предкоренных зубов, вызванные использованием удила, в свете последних исследований Д. Энтони однозначно свидетельствуют о наличии в терсекском и ботайском стадах «взнуздываемых» особей. Об использовании лошади в транспортных целях говорит аргументация С. Олсен, основанная на фактах находок крупных нерасчлененных фрагментов скелета. Структура костных комплексов в связи с наличием в них костей домашнего быка косвенно, но указывает на возможность одомашнивания лошади. Наконец, сопоставление внутренней структуры коллекций остатков лошади и кулана поселений Кожай 1 и Кумкешу 1 однозначно указывает на разное отношение людей к этим животным, причиной которого не может являться ничто иное, как дикое состояние кулана и одомашненность лошади. Эти же данные свидетельствуют о том, что от одомашненных особей происходит основная масса находимых на терсекских памятниках костей лошади.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 218 с.

Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай 1 // Калиева С.С. Поселение Кожай 1. Алматы: ИА МН-АН РК, 1998а, с. 234–252.

Гайдученко Л.Л. Крупный рогатый скот энеолита степной зоны Казахстана (доместикационные признаки на черепе и нижней челюсти) // Вопр. археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998б. Вып. 2. С. 175–178.

- Гайдученко Л.Л., Калиева С.С., Логвин В.Н. О хозяйстве энеолитического населения Тургайского прогиба // *Вопр. археологии Центрального и Северного Казахстана*. КарГУ, 1989. С. 27–33.
- Грязнов М.П. Почва и археологические памятники в их взаимосвязи // *ТД СПИПАИ* 1972 г. Ташкент, 1973. С. 67–70.
- Ермолова Н.М. Остатки млекопитающих из поселения Ботай // *Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии*. Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. С. 87–89.
- Зайберт В.Ф. Исследования в Северном Казахстане // *АО* 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 435–436.
- Зайберт В.Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Прииртышском междуречье // *Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: Тез. докл.* Барнаул, 1983. С. 88–90.
- Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: ИА АН РК, 1993. 244 с.
- Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: КазАкпарат, 2009. 576 с.
- Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 18 с.
- Калиева С.С. Поселение Кожай 1. Алматы: ИА МН-АН РК, 1998. 255 с.
- Калиева С.С. О зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Мат-лы XII Зап.-Сиб. археолого-этногр. конф.* Томск, 2001. С. 154–156.
- Калиева С.С. О роли «местного» компонента в формировании петровско-синташтинских древностей // *Западная и Южная Сибирь в древности*. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 173–177.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: ИА МН-АН РК: КустГУ, 1997. 179 с.
- Калиева С.С., Шевнина И.В. Основы жизнеобеспечения терсекского общества // *Экология древних и традиционных обществ: Докл. конф.* Тюмень, 2007. Вып. 3. С. 100–103.
- Косинцев П.А. Лошади Ботая и Синташты: Сравнительная и морфометрическая характеристика // *Этноческие взаимодействия на Южном Урале*. Челябинск: ЧелГУ, 2002. С. 48–50.
- Косинцев П.А. Поселения неолита — средней бронзы Восточной Европы и Казахстана со сверхвысокой ролью лошади в хозяйстве // *XVII Урал. археол. совещ.: Мат-лы науч. конф.* (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 148–149.
- Косинцев П.А. Происхождение «колесничных лошадей» // *Происхождение и распространение колесничества*. Луганск: Глобус, 2008. С. 113–129.
- Косинцев П.А., Варов А.И. Костные остатки из поселения предандроновского времени Сергеевка // *Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии*. Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. С. 153–165.
- Кисленко А.М., Татаринцева Н.С. Культурно-хозяйственные комплексы палеометалла в ишимской степи // *Археология Волго-Уральских степей*. Челябинск: ЧелГУ, 1990. С. 81–99.
- Кузьмина И.Е. Лошади Ботая // *Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии*. Петропавловск: ОАС НАН РК, 1993. С. 178–188.
- Логвин В.Н. Еще раз об энеолитических стоянках Кустанайской области и их связи с ландшафтом // *Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири*. Томск: Изд-во ТГУ, 1979а. С. 54–55.
- Логвин В.Н. Работы в Наурзумском заповеднике // *АО* 1978 г. М.: Наука, 1979б. С. 537–538.
- Логвин В.Н. К проблеме становления синташтинско-петровских древностей // *Россия и Восток: Проблемы взаимодействия*: Мат-лы конф. Челябинск, 1995. Ч. 5., кн. 1. С. 88–95.
- Логвин В.Н., Калиева С.С. Терсекские памятники Тургайского прогиба // *Древние культуры Северного Прикаспия*. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 57–80.
- Логвин В.Н., Калиева С.С., Гайдученко Л.Л. О номадизме в степях Казахстана в III тыс. до н.э. // *Маргулановские чтения: (Сб. материалов конф.)*. Алма-Ата, 1989. С. 78–81.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 168 с.
- Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 21 с.
- Формозов А.А. Памятники древности Наурзумского заповедника // *Вестн. КазФАН СССР*. Алма-Ата, 1946. № 4 (13). С. 50–52.
- Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // *Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода*. 1950. № 15. С. 64–75.
- Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска // *КСИИМК*. 1951. Вып. 36. С. 115–121.
- Anthony D. W. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2007. 553 p.
- Benecke N., von den Dreisch A. *Horse exploitation in the Kazakh steppes during the Eneolithic and Bronze Age // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: McDonald Inst. for Archaeol. Research, 2003. P. 69–82.

Некоторые штрихи к проблеме одомашненности лошади терсекских и ботайских памятников...

Brown D. R., Anthony D. W. Bit wear, horseback riding, and the Botai site in Kazakhstan // Journ. of Archaeol. Science. 1998. 25. P. 331–347.

Levine M. Mortality models and the interpretation of horse population structure // Hunter-Gatherer Economy in Prehistory. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1983. P. 23–46.

Levine M. Dereivka and the problem of horse domestication // Antiquity. 1990. V. 64. № 245. P. 727–740.

Levine M. Botai and the origins of horse domestication // Journ. of Anthropol. Archaeology. 1999. 18 (1). P. 29–78.

Olsen S. L. The exploitation of horses at Botai, Kazakhstan // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge: McDonald Inst. for Archaeol. Research, 2003. P. 83–104.

Outram A. K., Stear N. A., Bendrey R. et al. The Earliest Horse Harnessing and Milking // Science. 323. 2009. P. 1332–1335.

Сургутский университет
kss@lap.surgu.ru
logvin1@yandex.ru

The article is devoted to a problem of horse breeding with the population retaining the Tersek and Botajsk antiquities. The authors show the groundlessness of argumentation on the part of the main supporters of a savage nature of the Tersek and Botajsk horse. Basing on pathological changes caused by using bit, character of the inner structure of the horse's and koulan's collection of bones, and some other data, they arrive at a conclusion that the bulk of the bones that belong to the horse from the Tersek and Botajsk settlements belonged to domestic specimen.

The Tersek culture, the Botajsk culture, the Eneolithic Age, domestication, horse, cattle.